

ЗАХИД САРЫТОРПАГ

Будь мужчиной!

Рассказ

Перевод П.АХУНДОВОЙ

То, что я мертвец, известно только мне самому. Да, я мертвец, покойник... Не имею ни надгробной плиты, ни памятника, ни тоскующего по мне и оплакивающего меня живого существа. Я покойник, и все тут. Однако никто этого не знает, не видит, не понимает. Так и проходят дни, месяцы, годы, ничего не меняется, ничегошеньки. Так сам и вдыхаешь свой трупный запах, втягиваешь его в свои легкие, как мускус, все внутри расцветает... Джамале этого не знать. Вот точно так же, как и сейчас, как ни глянешь на нее, увидишь в моменты просветления ее чела, в глубине ее бездонных глаз не любовь какую-то, а только два слова, всего-навсего два. Это не те слова типа «я тебя люблю», которые ценились в далеком прошлом, нет, – там крупными буквами, черным по белому, со всей злостью сверкают лишь понятные тебе одному слова: «Будь мужчиной!» И каждый раз от этих слов тебя выворачивает, Байрам, сердце обливается кровью... И каждый раз начинаешь винить себя, точно, как сейчас. Это есть не что иное, как твоя участь, и все тут, – подумаешь ты, – ты сам собственноручно, вернее, своими поступками заслужил ее, так чего же теперь изводиться?! Тогда отчего же ты каждый раз, прочитав эти слова, считаешь себя не земным существом, а каким-нибудь неприкаянным духом, и каждый раз прикладываешь руку ко лбу, проверяя температуру? И вот так, дорогой Байрам, так ты и начинаешь осознавать, что уже поздно каяться, сетовать, сокрушаться, беспокойство, пробравшееся тебе под кожу, вьевшееся в твою кровь и плоть, стало твоим спутником жизни. Когда-то ты был очень уверен в себе. «Я имею такие терпение и силу воли, что при желании весь мир посажу на колени; если нужно, Луну и Солнце с неба достану и положу себе в карман или разобью его вдребезги, как тарелку». Сейчас же сжался в беспомощный комочек и понял, что никогда не сможешь переварить эти два слова. И впредь проживи ты трижды свою жизнь, каждое из этих слов будет изъедать твою душу, выскабливать тебя, как грубая наждачная бумага, пока не источит вконец. Пока не сотрет всю кожу и плоть до кости. Однако не отмоешься, не очистишься, так и пройдет незаметно вся жизнь, и ты приблизишься к концу пути. И вечно будешь читать на ее челе, в глубине ее глаз те же самые слова и точно, как сейчас, начнешь беспомощно истолковывать, мол «ладно уж, слова «будь человеком» еще как-то можно понять, человек – он и есть человек, по-другому никак его не назовешь; но что значит «будь мужчиной»? Это же намек на честь и достоинство. Словом, она дает мне понять, что нет у меня ни чести, ни достоинства, и доселе я был недобропорядочной и подлой скотиной. Но зачем же все эти замечания и упреки высказывать, порой неуместно и несвоевременно, в столь грубой форме? А лучше, знаешь, как? Лучше подойти ко мне, проткнуть мне брюхо кухонным ножом и выпустить мне кишки, чтобы я успокоился раз и навсегда. Почему я должен быть обречен на это на всю жизнь? Ну, тебя не поймешь, Байрам. То ты сетуешь, что «я мертвец», то говоришь, мол, «сдохнуть бы да обрести вечный покой»...

– На ужин ничего нет, Байрам...

Ну, вот, начнет теперь перечислять: картошки нет, масла нет... А до зарплаты еще целая неделя. Я отложил денег только на хлеб, сигареты и бензин, и все, больше

ни копейки. А тут еще и на работе начались сборы денег: большое дело, близится юбилей знаменитого стукача Гасыма! С зарплаты смогу уплатить, только с зарплаты. Пусть подавится. Больно нравится мне этот мерзкий подхалим, вечно извивающийся и виляющий хвостом перед начальством. Никому не понять, не определить – друг он или враг!

– Не забудь и про моеющее средство для посуды. Второй день твержу, и все без толку. Поставь крестик на руке, чтобы не забыть...

Самое благое дело слинять, Байрам, беги отсюда. Но куда? На работу, что ли? Там не слаще. Так что ж мне делать-то? Идрисов сегодня припрет меня к стенке, мол, давай, неси, что собрал. Вот и доказывай ему, что в этом месяце навару кот наплакал. Как всегда, начнет твякать так, что потом и не заткнуть. Глядишь, и он заявит: «Будь мужиком!» Он же мастер потрещать-поверещать, попрекать куском хлеба. Но ты не обижайся на него, Байрам, не обижайся. Ведь ты же до сих пор зарабатывал благодаря ему, с его подачи, вернее, он закрывал глаза на твои делишки, тем самым позволяя тебе зарабатывать: дом свой достроил? – достроил. Дочь Аризу замуж выдал? – выдал. Теймура от армии откосил? – откосил. Выполнил все желания своей безбожной, жестокой жены? – выполнил. И продолжаешь делать это: и в Иран ее свозил, и лечение ей обеспечиваешь непрерывное. А ведь все это деньги. Разве этот несчастный Идрисов хоть раз упрекнул тебя за твои левые подработки? – нет, не упрекал. Чего же еще он должен для тебя сделать? Броситься тебе под ноги и умереть? По сути ты сам и есть мертвец, при чем же тут начальство?

– Слушай, уже полдень, ты на работу не собираешься?

Вот спрашивается: какое твое дело? Пойду я или нет, тебе-то что от этого?

Я надел очки и собрался поиграть в «игру», которой Теймур меня недавно обучил. Но спина болит неимоверно. Боюсь, засижусь перед компьютером, и боль еще пуще усилится. Как же называется эта чертова штуковина? Это... ммм, да-да, вспомнил – пластырь! Опять я забыл купить эту заразу – эту перцовую липучку, тьфу!.. Сегодня надо купить и приклеить на поясницу, а сверху повязку надеть. А потом думаю, да черт с ним, боль в спине еще кое-как можно перетерпеть... Хребет цел – и слава Богу. Однако, Байрам, какая разница для мертвеца, переломана у него спина или шея, или цела?..

Каждый день выходит и провожает меня. Это отнюдь не от большой любви, просто привычка, оставшаяся с молодости. А глаза горят все тем же жгучим огнем... Вот и мучаюсь потом всю дорогу: что делать, как ее переделаешь, как? Однажды подшофе, в приподнятом настроении ляпнул: «Негоже мужу и жене грызться, как кошка с собакой, Джамаля, негоже!..» И что вы думаете, что она ответила? «Ты пойдешь, – говорит, – разуй глаза да погляди на следы кошки и собаки на грязи или на снегу: они хоть и враждуют, следами своими словно цветочки выкладывают, цветочки!.. Понимаешь?.. А мы хоть треснем – все одно. Знаешь, на что будут похожи наши следы? На могилу они будут похожи, на могилу!..»

Перед глазами нарисовалась ужасающая картина: сначала я представил на снегу следы босых ног, а потом обутых. И правда, след босой человеческой ноги походил на свежевырытую могилу, обложенную по краям галькой. А след обуви и того страшнее: стопа похожа на надгробную плиту, а пятка – на памятник. Мне стало дурно от ее слов. Что она болтает? Ее покойный отец когда-то был поэтом, это у них в крови, наверное! Что за бред! А однажды, несколько лет назад, повез я ее в деревню, к ее тетке по матери. Проснулись утром, а вокруг все белым-бело в снегу. У тетки ее было много гусей, утром они все прошлись мимо одинокого платана во дворе и отправились к пруду. Моя посмотрела на их следы и вдруг заявила: «Ты обрати внимание на гусиные следы, словно платановые листья нарисованы на снегу... как же похожи... Всю ночь этому обнаженному платану будут сниться его листики...» Вот тогда меня словно озарило, и я неожиданно сказал: «Наверное, во сне листья были

все еще на ветвях, как только зимний ветерок подставил подножку, это несчастное деревце упало наземь, листья пооставляли следы на снегу, а затем поднялось, отрянулось и осознало, что не-е-ет, дорогой мой, сейчас зима, и нет никаких листьев, и ветви голы, и все это сон...» Да-да, и я тогда не остался в долгу и привел такое вот дурацкое сравнение. Однако тогда Джамаля не смотрела мне в лицо, чтобы я не прочитал того, что написано в ее глазах. Были ли там снова слова «Будь мужиком» или эта чертова фраза все же растаяла в эти романтические мгновения?.. И как вы думаете, что она сказала? «Не суди обо всем по себе. Это ты у нас мастер на подножки. И остальные тоже не такие тюфяки, как я, чтобы сразу спотыкаться и падать...» Даже если она не смотрела мне в глаза, я знал, что тот приговор все еще сверкает в ее глазах. Но я точно убедился в том, что я и правда мертвец, и точка.

Проходят дни, недели и годы... Вот так, дорогой Байрам, вот такие дела.

Сорок девять лет – не мало, честное слово, не мало. Я состарился, поседел. И всему виной Джамаля, это все она. Как же можно быть такой злопамятной, Господи?! Никак не может забыть случившегося и уже давно оставшегося в прошлом. На свадьбе Аризы нас пригласили танцевать. Где же еще танцевать, как не на свадьбе родной дочери? Что может быть прекраснее?.. Но тогда я просто ужаснулся: Джамаля, стоя лицом к лицу со мной и улыбаясь, начала танцевать. Но в глаза мне не смотрела и на улыбающихся губах так и горели те самые слова. Я не знал, как быть, что делать. Внезапно мне показалось, что все могут прочесть написанное на ее губах. «Это же позор!.. – подумал я, – хватит танцевать». Этот человек полон нескончаемой ненависти и злобы ко мне: сам виноват, не отрицаю. Да, изменял, и причем не раз, не раз! Прознала. Выявила. Разоблачила... И что теперь? Ну, не получилось у меня скрыть, что и привело меня к пожизненному наказанию.

– Твой телефон звонит, не слышишь, что ли?

Это стопроцентно Идрисов. Сейчас скажет: «Где ты пропал, кашкалдак?!»

– Бегу, шеф, бегу...

Всего на два года старше меня, а вишь как прозвал...

Это один из моих обычных дней. Если сесть и сосчитать подобные дни моей жизни, хоть руки на себя накладывай. Однако как может мертвец совершить самоубийство? Вот как? Каким образом?

Я вышел из дома, сел за руль своего автомобиля и, как всегда, отправился на работу. Через пятнадцать минут предстану перед Идрисовым. И снова буду вынужден, сгорая от злости и не вправе пикнуть, созерцать ежедневно повторяющиеся в управлении проделки. Продержаться бы еще денька два, затем отправлюсь по объектам, вздохну спокойно, ибо не буду видеть рож директорских лизоблюдов.

Так и проживаешь жизнь, рассыпая дни, как множество купюр, розданных на свадьбе, Байрам, вот такие дела. Но ничего не меняется, ничегошеньки... Только и разводишь трупную вонь вокруг, кажущуюся тебе ароматом роз...

– Не волнуйся, утром все будет хорошо. Все будет хорошо, Джамаля ...

Снова у нее разболелся желчный пузырь. Она так мучилась от болей, простонала всю ночь, мне было очень жалко ее.

– Не беспокойся, утром все...

– Что ты заладил «утром да утром»?! Что будет утром? Утро – это изнанка ночи. И что?

«Утро – это изнанка ночи...» Наверняка и эти слова достались в наследство от папаши. Это у нее в крови – болтать высокопарно.

Мысли тяжелые, как свинец. «Если она умрет, что же будет со мной? Как мне дальше жить?» Я не впервые задавался этим вопросом. И не находил вразумительного ответа. Упирался в тупик и говорил про себя: «Я наложу на себя руки». Когда

произносил эти слова, напрочь забывал о том, что я давно мертвец. Я рассуждал, как живые люди: на самом деле я не говорил этих слов, не шептал их, нет, я думал об этом глубоко внутри себя. И даже не думал произнести их вслух. Нутром чувствовал, раз на ум пришла мысль о самоубийстве, а потом ты ее произнес, значит, пятьдесят процентов работы сделано: ты уже наполовину мертв.

Я думал об этом, выйдя из дверей с сигаретой в зубах. Перед глазами предстала картина, как меня вынули из петли и уложили на пол, а я молю Аллаха, чтобы на меня глазел кто угодно, лишь бы не Джамала. Ибо, если даже выпустить ей пулю в лоб, в глазах будет пылать все тот же приговор. Богом клянусь, так и будет! Глазам ее известны два лишь слова: «Будь мужиком!..», и все тут. И их они не шепчут, а извергают...

Оставим мысль о том, что я мертвец. Допустим, я живой. А ведь мысль о самоубийстве в случае, если с Джамалей что-то случится, гложет меня отнюдь не из большой любви, которую я испытывал к ней в молодости. Я просто боюсь остаться без жены в свои уже немалые годы: ведь я ж, бедолага, не то, чтобы стирать, готовить, убирать, а даже стакан чая себе заварить и налить не могу. А от Теймура мне толку не будет, он собрался уехать навсегда в Германию, и решение его окончательное. Бессердечен он малость, в мать пошел. Тот еще упрямец – если решил уезжать, значит, так тому и быть. А Ариза... А что Ариза? Она замужем, у себя дома, занята заботами собственной семьи. Видимся с ней в лучшем случае раз в полтора-два месяца.

Иногда мне в голову приходит такая мысль: допустим, однажды я подойду к гранатовому дереву в нашем дворе и заявлю плоду на его ветке, что ты не гранат, ты мушмула. Ей-богу, будь он даже неспелый, треснет, как засохшая земля, зерна рассыплются, то есть с деревом случится инфаркт! Глаза Джамали вот уже около двадцати лет днем и ночью твердят мне одно и то же: «Будь мужиком!..» А это равносильно тому, как заявить гранату, что он – мушмула. И вот теперь я понимаю, что я очень выносливый человек, сердце мое – сталь. Не то давно бы уже скоптылся...

Я в последний раз затянулся сигаретой и, разглядывая пасмурное небо и морозящий дождь, выпустил дым вверх: такие вот дела, Байрам, такие дела. Храни Бог Джамалу. Мы с ней оба несчастные существа.

...Джамала, помимо того, что вечно глядит на меня сверлящим и жалящим взглядом, порой как истинная дочь поэта заставляет трепетать мое сердце своими поэтическими высказываниями.

– Моей мамы не стало, когда осень сбросила с себя золотой наряд, разостлавшийся у ее ног. Кажется, и меня не станет, когда зима сбросит одежду.

– Не глупи. Пусть умрут твои недоброжелатели!

В этот раз она на меня не взглянула. Но я и без того знал, что написано в ее взгляде, как говорится, знал свое место...

Даже если мне осточертели поручения Идрисова, куда мне деваться? Какого черта делать? Проводить целые дни напролет с этим человеком, пышущим ядом, было катастрофой для меня. До его прихода на работу я брал чеки-фактуры и ходил по объектам, которым были розданы товары. Радовался, что хоть пару-тройку дней вздохну от всего. И постоянно думал, размышлял, что вот так, Байрам, такие вот дела, дни идут, месяцы проходят, годы летят... все будет хорошо. Однако ничегושеньки не менялось. Потому что я мертв, и все тут...

Но стоит моргнуть глазом, как происходят другие вещи, совершенно другие вещи...

В тот день, прежде чем посетить объекты, я намеревался осмотреть хозяйственные товары, загруженные со склада в мою машину, и поразмышлять, каков будет мой доход после их раздачи. Для этого остановил машину на обочине одной из

тихих улиц. Только я притормозил и вышел из машины, как вдруг услышал сзади очень нежный, очень знакомый, растекающийся, как масло по всему телу, женский голос:

– Байрам!..

Это была она – Мушкю! Да, точно она. Она шла навстречу, но отчего-то подволакивала ногу, прихрамывала. Сердце сжалось. «Что же теперь делать? Как отделаться от нее? Что говорить?»

– Байрам, как хорошо, что я тебя встретила, погляди, я не могу ходить...

Ну, вот, сейчас скажет: «У меня болит нога, отвези меня домой...» Так и получилось. Хочу я того или нет, уселась в машину, и все.

– Поехали!

Мушкю – моя давняя знакомая. И причем очень любимая мною знакомая, я прямо-таки дышал ею. Встречались с ней через день. Потом Джамала устроила мне такой ад, что я от всех отдалился, и от Мушкю в том числе. Вот уже долгие годы избегаю ее, прячусь, как могу.

– Куда?

– Как это куда? – помотала она головой, рассмеявшись. – Куда же нам еще ехать? Ты что, не видишь, как я хромаю? Хочешь, я выйду из машины?

Ах, эта недотрога Мушкюназ, ах! Совсем не изменилась! И что же теперь? Я должен бросить все дела и заняться тобой? Неет! Идрисов шкуру с меня спустит! И товары залежались в машине. Да, товары... У меня есть выход: я должен доставить товары на объекты, и все тут!

– Печально выглядишь, Байрам. Кажется, Джамала держит тебя в ежовых рукавицах, по струночке у нее ходишь. Что это с тобой?

Ах, Мушкю, ах! Почему же ты видишь, что я мертвец, почему?

– Все в порядке, не беспокойся.

– Все трое моих внучат заболели коклюшем. Я заказала ослиное молоко. Вот уже два дня хожу на базар, продавец все за нос меня водит, никак не принесет молоко. Иначе какого черта мне делать на улице в таком состоянии?

Ох, Господи, оно мне надо? Начнет сейчас балаболить... Дальше я ее уже не слушал, только и думал о том, как бы поскорее высадить ее в их квартале и смыться к чертовой матери. Былое даже и вспоминать не стал. Побоялся расчувствоваться, расклеиться, связаться с ней и позабыть о делах.

Я остановил машину у их дома.

– Даже не спросишь, что с моей ногой?

Я рассмеялся.

– Чего смеешься?

– Да так, ничего...

Она тоже засмеялась.

– Ты не подумай ничего другого. А то я ж тебя знаю. Как начнешь придумывать себе, фантазировать. Те времена уже позади, дорогой мой. Ногу я просто подвернула.

Отчего-то я снова засмеялся. Когда завел машину и начал было отъезжать, она заглянула в окно с невинным личиком и прошептала:

– Байрам, не тупи! Я вывихнула не бедро, а стопу...

Мушкю стареет, это было очевидно. Ей, как и мне, было сорок девять лет, но казалось, что все шестьдесят-шестьдесят пять. Ее пьяница-муж давно помер. Дочь развелась и с тремя детьми вернулась в отчий дом. Сын не собирался возвращаться из России. Сама она все еще работала медсестрой в ближайшей частной клинике. Видимо, после развода дочери положение ухудшилось, жизнь ее как следует потрепала. Но как бы старо она ни выглядела, от нее не несло мертвечиной, – запах мертвеца исходил от меня, исключительно от меня...

Я тронулся в путь. «Да, было время, Мушкю, ты самого дьявола совратила бы...», – подумал я. Я не стал себя корить за холодное отношение к ней. Меня беспокоил один лишь вопрос: интересно, она поняла, что я мертвец? Трупный запах почуяла?..

Спустя всего лишь несколько дней со мной случилась еще одна история: возвращался я домой после раздачи товаров. Был небольшой навар, настроение было приподнятым. Купил все, что Джамалья поручила, хорошенько отоварился для дома. Хотя я не был опытен в этих делах, этими делами всегда занималась Джамалья. Однако в последние дни ее боли обострились, и я знал, что на рынок и по всем остальным делам все равно придется идти мне. Вот и направился в маркет и когда загружал купленное в багажник машины, почувствовал, что кто-то остановился возле меня. Повернулся, и как вы думаете, кого я увидел? Я своим глазам не поверил...

Я верю, что беды и напасти написаны у меня на лбу с самого рождения. Я уже не говорю о прошлом, оставим его в покое. Но то, что происходит со мной в последние годы, непонятно даже мне самому. И в особенности в последние дни. Ты же ведь мертвец, Байрам, мертвец! Разве мертвецам может везти по жизни? Где это видано? Как такое возможно? И где? А вот здесь, прямо возле маркета. Это была она. Та, с кем я расстался много лет назад и пытался забыть о ее существовании. Это была Гюльдесте. Откуда она взялась? Откуда появилась? Ведь говорили же, что она переехала в Узбекистан? Что стряслось? Вернулась, что ли? Я из-за нее в свое время чуть семьи не лишился.

Мы долгое время молча смотрели друг на друга. Зашли в маленькую кафешку на противоположной улице, заказали чай. Наболело у нее, скажу я вам...

– Бросил меня.... Зохраб развелся со мной... Ты не поверишь, человек, который ради меня собирался броситься с моста, повеситься, убиться, взял и развелся со мной. Вот так просто. Даже причины не мог найти, просто поступил по-скотски и прямо в лицо мне заявил: «ты не можешь родить мне детей». Хотя мы обследовались чуть ли не пятьдесят раз, у меня целый чемодан справок: детей у нас не было из-за него, он и сам прекрасно знал, что я тут ни при чем...

Гюльдесте была младше меня лет на десять-двенадцать. Когда-то работала в соседней компании. Было время, мы часто встречались с ней в доме в Бинагады, который достался ей от бабушки. Тогда Зохраб еще не вышел из тюрьмы, он сидел за то, что сбил насмерть пешехода. Тогда у Гюльдесте было много дыхателей. А она приткнулась ко мне. Кто-то донес Джамале, мол, приструни Байрама, иначе пропадет... Так она устроила мне такую взбучку и добавила: «Скажи спасибо нашим двоим детям, иначе дня бы с тобой не осталась». И плюс еще эти два кричащих слова с тех пор горят факелом в ее глазах, прожигая меня насквозь...

Припоминаешь ли ты, Байрам, последнюю ночь с Гюльдесте? Странная была ночь. Ты был смешон. Ты был пьян, хоть и не вдрызг, но, тем не менее, хорошо поддатый. Электричество отключили. Вы встали с постели и сидели друг против друга. Ты, пряча глаза, молча уставился на округлую тень керосиновой лампы на столе. Той ночью ты был несчастным влюбленным, вокруг пламени которого, как говорит поэт, кружилась не бабочка, а жужжала муха. Помнишь? И так мучился, так страдал, что Меджнун нервно курил в сторонке. Той ночью ты бранил и корил себя непрестанно... И в конце плюнул на муху, схватил лампу и разбил вдребезги. И орал во всю глотку: «Ничего, Гюльдесте, ничего. Впредь ты меня не увидишь!.. Я мертвец, понимаешь, мертвец?!» Ты что, позабыл все это? Позабыл, Байрам?.. Однако ж после взбучки Джамали как будто перевернулся на сто восемьдесят градусов, по-другому зашел, начал днем и ночью крыть на чем свет стоит не только себя, но и Гюльдесте. Как будто любовь твоя исчезла, Байрам, и стала ненавистью...

– Идрисов все еще шефствует?

– Да...

В то время я знал, что Идрисов также имеет виды на Гюльдесте. Однако он был также увлечен и помощницей бухгалтера Светочкой. Видимо, поэтому или Бог знает отчего, с Гюльдесте особо не заморачивался.

Хоть я поначалу и подумал: «Бог мой, откуда она взялась?», потом я смягчился. Она расспросила меня кое о чем, мы обменялись номерами телефонов, невольно беседа затянулась... и я был в шоке от услышанного. Такое ощущение, что отворил дверь, годами закрытую на замок, и выпустил ее на свободу. За какие-то несколько минут чего она мне только ни поведала, чего только ни рассказала! Господи!.. Я не мог смотреть в ее полные печали и боли глаза и потому устался на кактус на подоконнике. Я был просто ошарашен. Наверное, если бы в этот момент кто-то треснул меня по лицу этим кактусом, я бы вообще ничего не почувствовал, не пикнул бы даже. Кровь в жилах стыла. Оказывается, Зохраб каждый день всевозможно издевался, измывался над этой несчастной. Угрожал ей, что если она кому-то расскажет о его зверствах, то он убьет ее. Оказывается, этот подонок каждый день приходил домой пьяный в хлам, избивал что есть мочи эту несчастную сироту, частенько заставлял лежать до утра под кроватью. А сам разваливался на кровати и до утра без умолку болтал и хохотал по телефону со своей любовницей. А утром закрывал дверь квартиры на замок и уходил. Порой по несколько дней не появлялся дома. Бедная Гюльдесте, без телефона, без какой-либо связи с внешним миром, изможденная от голода и страданий, днями напролет сидела под замком...

Однако странно было то, что Гюльдесте сетовала сейчас на то, что он развелся с ней. Вместо того, чтобы радоваться, она как будто жаловалась на судьбу...

«Ты же мертвец, Байрам, мертвец! Как же может везти мертвецу? Где это видано? – я был так расстроен, что сам бы сейчас залепил судьбе пощечину. Да что же это за мучения, которым подверглась бедняжка Гюльдесте? Что за варварство? Да разве можно на нее обижаться, избегать? Это же не по-мужски... Попался бы Зохраб в мои руки, я бы плюнул ему в лицо. Если бы даже и не плюнул, то с такой ненавистью посмотрел бы на него, он бы понял, что к чему. Как Джамалая, взглядом дал бы ему понять, мол, «Будь мужиком!..»

– Где ты живешь?

– У дедушки... Тетя Сенем тоже живет вместе со мной.

Вот это уже нехорошо, совсем нехорошо... Тетушка Сенем... То есть она дала знать, что живет не одна. Ну что ж, в другой раз... «В другой раз?» Ты что, спятил, Байрам? Какой это другой раз? Опять начал? Снова бес тебя в ребро ткнул? Не боишься, что Джамалая шкуру с тебя спустит?

Чуть было не проехал на красный свет светофора. Так нажал на тормоза, что машина позади чуть было не врезалась в мой багажник, еле-еле притормозила. Вдобавок я почувствовал, что загруженное в багажник развалилось. Я поддал машину на обочину и притормозил. И правда, яйца разбились, продукты все повалились, порассыпались. Такой уж ты есть, Байрам, такой уж ты есть... Проезжать на красный свет – это у тебя в крови. И не только в езде. Ты и по жизни вечно ни в чем не различал красного света, никогда! Вот и расплачивайся теперь.

– Я сойду впереди.

Глаза Гюльдесте были наполнены слезами. Чем же она была так расстроена?

– Почему же ты сходишь? Давай довезу тебя.

Она была очень задумчива.

– Нет, Байрам, нет... У меня дела. Созвонимся.

Ну, вот, наконец-то я услышал свое имя из ее уст. В прошлом она называла меня «Бябир», то есть пантера. А сейчас сказала «Байрам». Что она еще сказала? Созвонимся? Уж лучше я ее заранее предупрежу, чтобы знала, что к чему. А то вдруг надумает позвонить, Джамалая прознает, камня на камне не оставит.

– Я сам тебе позвоню.

После того, как она ушла, я чувствовал себя не в машине, а в гробу. Я мертвец, мертвец я. «Я сам тебе позвоню...» Да разве ж это по-мужски, Байрам? Что же она теперь подумает о тебе? Не скажет ли, какая же ты пантера? Не скажет ли, что ты теперь не пантера, а какой-то жалкий котенок? Не Бябиш – а киса. Скажет, конечно же, скажет. Она уже надышалась трупным запахом, исходящим от меня. По-другому и быть не может. Наверное, не выдержала этой вони, потому и прослезилась, потому и поспешила удалиться...

Добрался до дома, сам не знаю как.

Той ночью вся моя прошлая жизнь пронеслась перед глазами, как фильм. Мушкю, Гюльдесте, Сева... и еще многие, многие, многие... Что же за жизнь я прожил? Разве ж это по-мужски было столько изменять такой достойной женщине, как Джамала, выростившей и воспитавшей двоих наших детей? И что же, по-твоему, в таком случае должны извергать ее глаза? Может, «Спасибо тебе, Байрам!», так что ли, Байрам?

Лежа в постели, я невольно повернулся лицом к Джамале и прошептал: «Родная моя, прости...» Кажется, я произнес это не в душе, а вслух, и она услышала меня. Может, толком и не разобрала моих слов, но заерзала. Кажется, неверно меня поняла, сказала: «Спи, я неважно себя чувствую...» Да разве ж мертвец может спать, Джамала?! Мертвец он и есть мертвец... Разве каменное изваяние может видеть сны? Я же сплю, как каменное изваяние, да... Хотя снов и не вижу, но сплю...

Я на цыпочках тихонечко улизнул наружу. Стараясь не шуметь, спустился во двор. Кто повесил замок на дверь погребца? Ключ... ключ здесь, на гвоздике на стене... Слава Богу, Джамала смазала маслом дверную петлю, она уже не скрипит. Бедняге так осточертел скрип этой двери, что она смазала дверь кукурузным маслом. Родная моя Джамала... Свет не стану включать, нет, на что мне свет? Мертвецу нужна тень, а не свет... Гюльдесте! Паразитка! Не звони! Нет! Я не хочу! В уши мертвеца закладывают вату, я все равно не услышу звонка... Где? Где веревка? Должно быть, в ящике, да, в ящике... Нет, скорее всего, она в бочонке. Да, кажется, она здесь. Нет, Байрам, включи свет, иначе ничего не получится. А вот и свет... Ну, мертвец, открывай же глаза. Осторожненько... подкатывай бочонок осторожненько к себе. Нет... бочонок не подойдет... да, лучше ящики тащи сюда, ящики. Вот так, Байрам, вот так, умница... А теперь полезай на ящики. Полезай, будь мужиком, давай! А вот и я. Ага, явился... Куда? Рано еще. Подвязывай веревку к бревну. Вот так... Делай петлю, живее, смелее, петлю делай... Это еще что за шорох?.. Кажется, крыса. Пока дверь открыта, прогону-ка к чертовой матери... Иначе перегрызет все добро. Где же? Куда запропастилась гадина? Ты не отвлекайся, петлю готовь. Вот так, не спускайся с ящиков, не смотри, что качаются, пока их не пнешь, не свалятся... Вот так... Надевай петлю на шею... не бойся. Не бойся, будь мужиком! «Будь мужиком!» Ты что, боишься, Байрам? Ладно, тогда надевай ее просто так, нацепи ее, посмотрим, что будет. Вот так. Да, только я ее пока не затянул и ящиков из-под ног не спихнул. Однако эта сухая веревка натирает мой подбородок и шею. Напрасно я сегодня побрился, вот напрасно, ну, откуда же мне было знать, что так сложится?.. Сухая веревка, чистая кожа, конечно, будет натирать... Там, где-то в углу, должно быть моторное масло, дай-ка я смажу эту веревку, а дальше видно будет... Осторожно! Осторожненько... Ты же ящик свалил, растяпа! Джаа-мааа-ляяя! Ххххх! Джааа-мааа-ляяя! Ххххх!..

Никогда не знал, насколько сильна Джамала. Она так обхватила меня за ноги и приподняла сверху, что петля освободила мою шею, но дыхание, кажется, остановилось, веревка сделала свое дело, сколько ни дергай, ни тяни – все без толку...

Я никогда не слышал голос Джамали звучащим так громко:

– Тееееймуууур! Тееееймуууур! Беги скорее сюдаааа! В пооогреееееб! Беги в поооогреееб!!!

Теймур так обхватил мои ноги и поднял вверх, что я чуть не стукнулся о бревна потолка. Джамалю живо перевернула ящик на бок, поднялась на него и, потянув, сняла петлю с моей шеи... Там же уложили меня наземь... усиленно массировали мне руки и ноги, мощными толчками делали массаж сердца и искусственное дыхание... Я начал постепенно приходить в себя, вернее, дыхание начало восстанавливаться. Когда открыл глаза, лежал на боку в нижнем белье на голом полу погреба. Взгляд мой был устремлен в угол. Там, в уголке, под сломанным столом, заставленным пустыми банками, рядом с кучей старых тапок съежилась в комок давешняя крыса и уставилась на меня. Но ее блестящие, как бусинки, глаза ни о чем не говорили. Когда упал свет, я внезапно почувствовал себя бессильным и ничтожным перед этими блестящими глазами и заплакал навзрыд ... Я знал, что слезы из глаз не текут, а только рыдал. Несчастливая моя доля, разве же я когда-нибудь мог плакать? Кого было просить научить мои глаза плакать? Джамалю, что ли?

Меня притащили в дом и уложили в постель. Ни о чем не говорили, ни о чем не разговаривали. И мать, и сын – оба сидели рядом со мной. Я не мог смотреть им в глаза. Разве я понимал, что происходит?

Затем, кажется, Теймур пошел спать в свою комнату.

Джамалю выключила свет и, не проронив ни слова, легла рядом со мной. Мы оба лежали на спине, лицом к потолку. Сейчас я не знал, что написано в ее глазах, клянусь, не знал. Возможно, было написано: «Байрам, я люблю тебя», все может быть, не знаю.

Я не мог уснуть, и она не спала. Невольно коснувшись ее кончиками пальцев, я, как чужой ей человек, отпрянул, мурашки побежали по коже. Почему? В чем дело, Байрам, что случилось, чего тебе не хватает? Жестокая женщина лежала, словно каменное изваяние, от которого разило холодом. Когда мы уснули, не знаю.

Утром проснулся на звонок телефона. Джамали не было в постели, кажется, она была на кухне.

«Кто это звонит ни свет, ни заря?» Я посмотрел на настенные часы, было около полудня. Кажется, кожа шеи была натерта, очень сильно саднило. А телефон продолжал разрываться.

– Алло... – голос мой совсем плох. Так прохрипел, что сам еле услышал.

Назойливый голос Идрисова царапнул мой слух:

– Ну, куда ты запропастился, кашкалдак?!.

Джамалю зашла в комнату. Я даже не посмотрел на нее. Потому что и без того знал, о чем кричат ее глаза...